

УДК 316.75 + 172

Александр Безаров,
Черновицкий торгово-экономический
институт Киевского национального
торгово-экономического университета,
Черновцы (Украина),
bezarov@mail.ru

ИДЕОЛОГИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Keywords: *political correctness, tolerance, gender, ideology, democracy, society.*

Alexander Bezarov. THE IDEOLOGY POLITICAL CORRECTNESS IN MODERN DEMOCRATIC SOCIETY

The ideological features of political correctness in modern democratic society have been identified in the article. It was proved that political correctness as the practice of specific prohibition in social communication space, is an ideological tool of struggle against "non-democratic" values.

Актуальность данной темы казалась мне не столь очевидной до того момента, когда на одной из лекций по политологии в Буковинском государственном медуниверситете я коснулся политических проблем расизма и, естественно, с использованием слова „негр”. После лекции ко мне подошёл украинский (!) студент и сделал мне замечание по поводу моей „неполиткорректности” в отношении темнокожего студента, который также присутствовал на лекции, но, особого интереса к проблемам расизма, по видимому, не проявил. Все мои доводы по поводу того, что политкорректное слово „афроамериканец” в украинском языке уместно только в отношении чёрнокожего населения США, моего юного оппонента не убедили.

Заинтригованный обвинениями в своей неполиткорректности я попытался найти похожие прецеденты в языковой практике других стран. Результаты оказались впечатляющими. Так, директор Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, профессор Максим Кронгауз, который на одной из международных славистических конференций во Франции прослушал доклад английского слависта под названием „Образ чёрного в русской литературе”, пишет: „Слово „чёрный” меня слегка покорило, и после доклада я сделал замечание, что „чёрный” по-русски звучит грубее нейтрального „негра”, да и

значит, в сущности, нечто другое. В ответ я услышал, что русские просто не понимают, что слово „негр” оскорбительно, поскольку оно заимствованно из английского, в котором признано некорректным. Приехавший в Россию, скажем, американец с чёрной кожей именно так и воспримет русское слово „негр”. Я продолжал утверждать, – отмечает М. Кронгауз, – что в русском слове „негр”, как и в слове „белый”, нет никакого оскорбления в отличие от того же слова „чёрный”. Здесь нет особой логики, просто так уж сложилось в языке”¹.

Кстати, о русской словесности. В конце XVIII в. Екатерина Великая, вероятно, оказалась в числе первых российских монархов, кто столкнулся с проблемой политкорректности официального языка. И причиной этому были евреи, значительные массы которых Российская империя приобрела в результате разделов Польши. После того, как евреи из черты оседлости были абсорбированы в российское общество, Екатерина II согласилась принять в качестве официального наименования евреев, вместо польского „жид”, слово „еврей” – как её уверили, более приличное. В результате слово „жид”, бывшее в пушкинское время вполне нейтральным, примерно с конца 60-х гг. XIX в. обрело негативные коннотации и стало использоваться в современном русском и украинском языках как оскорбление. По иро-

нии судьбы, стилистическая нагрузка разных русских слов для обозначения „еврея” несколько не связана с их этимологией. И „жид”, и „еврей”, как известно, слова семитского происхождения, которые пришли в русский и другие славянские языки через греческий и латинский. „Жид” происходит от географического и племенного названия „Иуда”, „Иудея” (на иврите – „Иегуда”); „еврей” (как и „иврит”) – от арамейского „ебрей”. В европейских языках от „Иуда” слова остались более или менее приемлемыми (например, русское слово „иудей” – приверженец иудаизма, а не этнический еврей), тем не менее, русское слово „жид” к началу XX в. стало абсолютно непolitкорректным².

Известный советский диссидент Владимир Буковский, который в своё время был вынужден эмигрировать в Англию, был неприятно удивлён, когда ещё в начале 1980-х гг., он, по образованию нейрофизиолог, впервые столкнулся с проявлениями непolitкорректности. „Однажды, – вспоминал В. Буковский, – я шёл в свою лабораторию, а навстречу по лестнице спускались две девушки. Я придержал для них дверь. Они поглядели на меня с подозрением и сказали: „Мужская шовинистическая свинья”. Позже ему объяснили, что эти девушки – студентки из американского университета Беркли, который является мировым центром феминизма, а его вежливое поведение в отношении девушек признано ими непolitкорректным, поскольку подчёркивает „женскую слабость”. „Я-то, – рассуждает В. Буковский, – в советских психушках привык к обществу сумасшедших. Но беда в том, что американское общество всякую идиотскую новинку сразу делает, чуть ли не общеобязательной. В Америке, как, впрочем, и в Европе, население ведёт себя невероятно конформистски. Всё, что тебе втюхивают, надо воспринимать как норму. Чтобы быть успешным надо быть конформистом. И вот американские шаблоны распространяются повсюду как непреложные правила, отражаясь даже на законодательстве. Появились законы о „hate speech” – „языке ненависти”, нечто вроде 70 статьи советского Уголовного кодекса, по которой меня судили. „Языком ненависти” объявили любое упоминание о расовых различиях или сексуальных наклонностях. Вы не имеете права признавать очевидные факты. Если вы их упоминаете публично, – это преступление”³.

Таким образом, **целями статьи** являются попытки осмысления логики применения

политкорректных фраз, понятий или действий в коммуникативном пространстве современного демократического общества, используя для этого анализ идеологических особенностей политкорректности как социально-политического феномена.

Изложение основного материала. В самом широком смысле политическая корректность может рассматриваться с точки зрения дискурсивной стратегии вежливости. Категория вежливости как один из важнейших аспектов коммуникации занимает особое место в дискурсивном анализе языка. Вежливость является принципом социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера (его интересов, чувств и желаний). Следовательно, политическая корректность стремится избежать отношений, действий и, прежде всего, форм языкового выражения, которые заключают в себе предубеждения и могут вызывать чувство обиды у людей в зависимости от их пола, возраста, цвета кожи, расовой, национальной и религиозной принадлежности либо физического состояния. С другой стороны, политкорректность тесно связана с морально-этической категорией терпимости, которую принято называть „толерантность”. Собственно говоря, толерантность выступает в отношении политкорректности её смыслообразующей единицей. Поэтому, находясь как бы между категориями „вежливости” и „толерантности”, политкорректность, как мне кажется, всё же, выступает производной сущностью последней. Политкорректность – это некий пароль, „штрих-код” обладателя толерантности – важной составляющей демократической политической культуры. Обладать толерантностью означает принадлежать к цивилизованному большинству. Известный американский политолог Сеймур Липсет считает, что политическая культура является главным реквизитом демократии, которая, как известно, предусматривает определённый набор демократических ценностей, а именно: свобода слова, свобода информации, собраний, вероисповедования, оппозиции, гарантия прав человека и т. д. Очевидно, что толерантность принадлежит к числу нормативных ценностей демократической политической культуры⁴. Но, как известно, политической проблемой классической демократии является проблема легитимности решений представителей большинства. Следовательно, терпимость к мнению представителей меньшинства, а также, к их поведению,

традициям и чувствам составляет пока довольно сложную политологическую и социологическую задачу.

„Толерантность” (лат. *tolerantia* – терпение) как термин взят из биологии, в которой он используется с 1953 г. для определения иммунологического отсутствия или ослабления иммунной реакции на конкретный антиген при условии сохранения иммунореактивности ко всем прочим антигенам⁵. То есть, толерантность – это „терпимость” иммунной системы организма к пересаженным инородным тканям. В социокультурном смысле толерантность являет собой некую европейскую универсалию, которая используется в попытках наладить политическую кооперацию между разными противоречивыми идеологиями и взглядами⁶. Современная наука различает множество форм толерантности. В частности, это негативная и позитивная толерантность, активная и пассивная, формальная и настоящая, внутренняя и внешняя, наконец, – толерантность-как-милость и толерантность-как-право.

Однако, само понятие „толерантность” в социокультурном измерении довольно уязвимо для критики, особенно, если рассматривать его в дихотомии толерантность-интолерантность. Поскольку толерантность является базовым принципом демократии, то, очевидно, что интолерантность также может быть включена в набор демократических ценностей, но уже для „неразвитых демократий” постколониального „третьего” мира. Следовательно, степень интолерантного политического сознания граждан стран „демократического транзита” подчёркивает не- / или недо- развитость демократической культуры, и поэтому, требует „компетентного” вмешательства извне для навязывания „общечеловеческих”, а по сути, прозападных либеральных ценностей. Но парадокс толерантности в том, что она уже содержит элемент оценочного суждения, а потому не может претендовать на определённый эталон демократических отношений. По мнению современного британского политолога из Лондонской школы экономики Дж. Грея, объектом толерантности есть то, что мы определяем как недостаток⁷. Когда мы толерантно (сдержанно, с пониманием) относимся к чьим-либо действиям, убеждениям или особенностям характера, то это означает, что мы позволяем существовать вещам, которые сами же признаём нежелательными либо неправильными; наша толерантность выражает убеждение в том, что, несмотря на свою

неполноценность, объект, который мы терпим, имеет право на существование – в чём, собственно говоря, и заключается главная идея толерантности. Это не что иное, как манипуляция понятием, ибо, как верно подметил Дж. Грей, – толерантность способна превратиться в позитивную дискриминацию⁸. То есть, представители социальных меньшинств или их политические лидеры способны теперь не только требовать для себя равноправия, но манипулировать своим особым статусом для получения дополнительных привилегий и поддержки. Сегодня исследователи называют такой парадокс „излишком толерантности” или „парадоксом терпимости”, который удачно, на мой взгляд, сформулировал Карл Поппер. „Неограниченная терпимость, – пишет известный австрийский философ, – должна привести к нетерпимости..., при условии терпимости к нетерпимым, последние неизбежно будут побеждать. Во имя терпимости следует провозгласить право угнетать их в случае необходимости даже насильно”⁹.

Таким образом, учитывая разнообразие, а во многом и противоречивость, понятия „толерантность”, политкорректность можно определить как **современную демократическую практику (вербальных и невербальных, формальных и неформальных) запретов на высказывание суждений (в том числе и политических) либо совершение каких-либо действий, носящих оскорбительный характер по отношению к тем или иным выделяемым социальным группам, которые принято считать социальными меньшинствами (сексуальные, национальные, религиозные, политические, расовые), а также к тем, кто просто обладает инаковостью, ущербностью либо неполноценностью.** Следует отличать политкорректность от тактичности как принципа этикета. Например, когда преподаватель университета обращается к студенту на „ты” – это не вежливо с точки зрения нормативной этики, но если он запрещает студенту-мусульманину молиться во время учебного процесса – это уже непolitкорректно. То же самое относится к беременной студентке, которая не получила зачёт от преподавателя-мужчины, который, по мнению сторонников политкорректности не хочет, а их противников – не может „войти в её положение”.

Политкорректность является довольно эффективным механизмом давления на „недемократическое” общественное мнение, инструментом легитимной цензуры в демо-

кратическом сообществе для определения и изоляции „тоталитарных” форм мышления. „Сегодня в Англии, – отмечает В. Буковский, – существует такая цензура, что Шекспир бы и жить не смог. Да половину его пьес уже и не ставят: „Венецианский купец” – антисемитизм, „Отелло” – расизм, „Укрощение строптивой” – сексизм.... Одна учительница в Лондоне отказалась вести свой класс на „Ромео и Джульетту”, назвав спектакль „отвратительным гетеросексуальным зрелищем”¹⁰. Впрочем, идеологов политкорректного языка вряд ли смущает абсурдность и комичность самих политкорректных фраз. Например, „толстый человек” – ненормативно в рамках политкорректной культуры, он – „развивающийся горизонтально”, дебил – всего лишь „альтернативно одарённая личность”, охотник – „убийца животных”, скотоводческая ферма – „концлагерь для скота”, а педофил оказывается уникальной „личностью с недетерминированной гендерной идентичностью”¹¹.

Практика современного использования политкорректности достигла своего апогея в „феминистической лингвистике” (ФЛ), которая ведёт борьбу с гендерными асимметриями в коммуникациях, то есть с проявлениями языкового сексизма. Речь идёт о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определённую картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль, и приписываются в основном негативные качества. ФЛ настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, ориентируясь на сознательное нормирование языка и языковую политику как цель своих исследований¹². Именно с этим связано понятие „гендера” как концепта, призванного подчеркнуть социальный характер отношений между полами и исключить биодетерминизм из понятия „секс”. „Гендер”, в широком значении, понимается как совокупность психо-социальных качеств, поведения и отношений, которые сформировались в результате влияния культуры и общества. „Гендерная идентичность” – это осознание индивидом своей половой принадлежности, субъективное осмысление своей половой роли, которая проявляется в единстве полового самосознания и поведения¹³. Смысл „гендерных явлений”, особенности „гендерной политики” заслуживают, как мне кажется, отдельного комплексного изучения. Задачей данной статьи – определить сущность феномена политкорректности как некоего критерия демокра-

тичности политического режима. Ведь именно так сегодня понимают задачи политкорректности идеологи гендерной политики. „Основой для функционирования украинского общества в третьем тысячелетии, – гласит одна из гендерных идеологов, – должно стать гендерное равновесие и гендерная демократия”, поскольку отсутствие гендерного равенства в обществе тормозит стабильное развитие государства”¹⁴.

Общепризнанными европейскими лидерами в борьбе за „гендерное равенство” являются страны Балтии и Скандинавии, в детских садах которых можно обнаружить, что вместо неpolitкорректной „Белоснежки и семи гномов” дети слушают сказки о гомосексуальных жирафах, а в школьных учебниках по биологии – прочитать, что супружеские пары могут состоять из двух женщин или двух мужчин. В Берлине несколько лет тому назад появилось учебное пособие для местных школ с вполне политкорректным названием: „Лесбийские и педерастические образы жизни”, в котором его авторы предлагают немецким ученикам и ученицам поиграть во взрослые ролевые игры с участием гомосексуальных пар¹⁵. По мнению самоотверженного (в буквальном значении этого слова) сторонника „гендерной идентичности” транссексуала Линн Конвей, для того, чтобы узнать какого пола человек, нужно спросить его об этом¹⁶. Оказывается, что современный человек проецируется как полигендерное существо, а именно, как мужчина, женщина, бисексуал, гомосексуал и транссексуал¹⁷. Причём любопытно то, что согласно резолюции ПАСЕ от 2010 г., страх и отвращение к представителям ЛГБТ-сообщества (сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов) признаётся „гомофобией” и осуждается наравне с расизмом, ксенофобией и антисемитизмом¹⁸. Согласно резолюции Совета Европы, демократические страны должны отказаться от неpolitкорректных слов „мама” и „папа” и заменить их близким словом „родитель 1” и „родитель 2”, дабы не нарушать гендерного равновесия¹⁹.

Однако, наиболее пламенными борцами с „гендерными стереотипами” оказались наименее политкорректные украинские и российские чиновники. Десять лет тому назад, на презентации очередного комплексного исследования гендерных отношений, вице-премьер министр Украины, академик М. Г. Жулинский, недвусмысленно заявил, что каждый уважающий себя государственный Дея-

тель, если он действительно стремится к прогрессу в Украине, обязан учитывать гендерный фактор в принятии политических решений²⁰. Как результат, сегодня в Украине действует свыше семидесяти международных неправительственных организаций, которые реализуют гендерную политику в нашей стране²¹. Украинский исследователь проблем гендера Л.О. Смоляр (пол / гендер исследователя выяснить, к сожалению, не удалось, поскольку в указанном сборнике приведены лишь инициалы авторов), воодушевлённый борьбой с проявлениями „гендерного неравенства” закономерно пришёл к выводу о необходимости общественной цензуры не только в приватной сфере отношений, которая не регулируется законодательством, но в которой наиболее часто нарушаются права „человеко-женщины”, но и в научном сообществе, в котором „гендерные исследования” служат лишь „зонтиком” для разного рода исследований²². Ревнителю „чистоты гендера” абсолютно уверены в том, что „не существует отдельно мужских и женских проблем: для всех характерны самостоятельность и зависимость, активность и пассивность, сила и слабость...”²³. Но в таком случае не совсем понятно следующее утверждение авторов о том, что „сильным” и „независимым” женщинам рядом обязательно нужен мужчина, который „всегда придет на помощь”²⁴.

Очевидно, что политкорректность трансформирует, с помощью цензурированных текстов и языковых оборотов, концептуальную картину мира, что, нередко и приводит к абсурдному несовпадению языковой и концептуальной картины мира (что собственно и произошло в моём случае на лекции по политологии). Например, для многих читателей русского перевода Р. Киплинга „Книги джунглей” („Маугли”) весьма болезненным может быть открытие, что пантера Багира, изящная, гибкая и женственная, на самом деле является самцом, который обозначен местоимением *he*. *Panther* в английском языке, так же как и *horse*, символизирует силу и мужественность и не ассоциируется с женским началом. Слово пантера в русском языке, наоборот, не имеет формы мужского рода (для обозначения пола можно использовать сложное слово пантера-самец). Кроме того, индийское имя Багира для русскоязычного читателя также связано с женским родом, тогда как для англоязычного читателя имя лишь имеет восточный колорит. Поэтому переводчик, а вслед за ним и

создатели фильмов, изменили не только грамматический род, но и гендерную картину, создав практически новый образ²⁵. Неполиткорректными оказались и шедевры голливудской киноиндустрии. Например, в мультфильмах Диснея присутствует не только провозглашённый тип грубой мужской власти, но и откровенный расизм, который выражается „в расово кодированном языке и акцентах”: „в „Алладине” изображены „плохие” арабы с сильными иностранными акцентами, тогда как „англиканцы” Жасмин и Алладин разговаривают на стандартном американизированном английском языке...”²⁶.

Гендерные противоречия не ограничиваются конфликтом культурно-языковых картин мира и переводческими трудностями. В пределах одной языковой культуры также возникают гендерные конфликты, которые могут определить языковую политику и даже язык, как это случилось в США под влиянием политкорректности. Так, гендерные дискуссии побудили Национальную метеорологическую службу США называть ураганы не только традиционно женскими, но и мужскими именами²⁷. Яростным атакам лингвистов-феминистов подвергалась грамматическая гендерная асимметрия местоимений *somebody* и *man*. Последнее вообще постепенно вытесняется из английского языка как неполиткорректный словообразующий компонент. Например, вместо *businessman* – *businessperson*; *spokesman* / *spokesperson*; *fireman* / *firefighter*; *policeman* / *police officer*; *freshman* (первокурсник) / *first-year student*; *mailman* / *letter carrier*²⁸. Само слово *man*, а также его производное *mankind* перефразируются в *humans*, *humanity*, *human race* или заменяются множественным числом *people*. Местоимение *she* также претерпело изменения в употреблении. Если раньше традиционно некоторые объекты, например, города, нации, корабли, машины и самолёты, обозначались местоимением *she*, то теперь для соблюдения гендерного равновесия употребление *she* всё более ограничивается. Не осталось без внимания демократической цензуры и местоимение *he*²⁹. В обороте прихожан англиканских церквей в США и Великобритании вращается четверть миллиарда экземпляров „*Gender-inclusive Bible*” („Гендерно корректной Библии”) издательства „*Good News*”, в которой нет ни одного местоимения *He*. Курьёзным оказалось утверждение архиепископа Кентерберийского и королевы Великобритании, которая фактически является главой англиканской

церкви, о том, что такой шаг вызван их с архиепископом неуверенностью, что Бог не обладает внешностью чёрной женщины³⁰. Слово *feminist*, традиционно обозначавшее женщин, борющихся за свои права, теперь может обозначать и мужчин, борющихся за права женщин. Слово *guys* может служить обращением как к группе юношей, так и к смешанной группе, а иногда и к группе девушек или женщин. Замена института брака свободными союзами дала импульс к образованию слов, обозначающих членов этого союза без ссылок на их пол: *partner, life partner, domestic partner*³¹.

Идеология современной политкорректности опирается на гипотезу Сепира-Уорфа, согласно которой язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления, его ментальное средство³².

В 20-х годах прошлого столетия химик по образованию Бенджамин Ли Уорф, под влиянием лекций американского лингвиста Эдварда Сепира о возможности языка изменять наши представления о реальности, выдвинул гипотезу лингвистической относительности, согласно которой через грамматику и семантику языка, можно не только формировать идеи человека, но и влиять на объективную социальную реальность³³. Дискурс феминистской политкорректности, несмотря на свою фиктивность, а иногда полную абсурдность, приносит плоды. Например, слово „девушка” непolitкорректно, поскольку реферирует на девственность, его изменяем на „пред-женщина” („*pre-women*”, „*vaginal-American*”); „домохозяйка” меняется на „домашний менеджер”; „стюардесса” на „сопроводитель полёта”; „проститутка” на „жертву несчастья”; „бисексуал” на „сексуально непредпочтительный” и т. д.³⁴ Многие европейские юридические, психологические, социологические и литературоведческие журналы уже сейчас не печатают работ авторов, которые не используют правил нового „гендерно-нейтрального” политкорректного языка, издательства отказываются печатать непolitкорректные книги. И феминизм объявляет это своей „локальной победой”. Тем не менее, украинские исследовательницы гендерной идентичности Виктория Гайденок и Ирина Предборская обеспокоены отсутствием политкорректных „букварей” и „математик” в украинских школах. Так, авторы возмущены тем, что в современных украинских и российских школьных учебниках по математике для начальных классов до сих пор можно найти гендерные

стереотипы: в то время, как „девочки” и „женщины” „убирают”, „кормят” и „выращивают”, „мужчины, наоборот, наслаждаются жизнью”; „мужчины – это всегда интеллектуалы...”; гендерные стереотипы также проявляются в антропоморфных образах животных, в которых белочка Олицетворяет женщину, медвежонок – мужчину; ситуация при которой „мужчина пылесосит, сын вытирает пыль, а дочка поливает цветы”, – резюмируют авторы исследования, – „ещё более подчёркивает неизменность характера женской деятельности – на протяжении десятилетий мама всегда будет мыть раму”³⁵. Даже народные сказки, по их мнению, оказываются не такими уж невинными, так как в них присутствует идеологическая составляющая с далеко идущими последствиями, поскольку „романтический поиск прекрасного принца, который спасает от бедности и унижения, в реальности может превратиться в опасную игру, в которой восточноевропейские женщины в борьбе за лучшую жизнь становятся жертвами секс-индустрии...”³⁶.

Западный „пангендеризм” провозгласил гендерный конфликт как наиболее значимый, чем все остальные конфликты. Сегодня он претендует на свой якобы „общечеловеческий характер” и позиционируется универсальным референтом демократического общества, навязывая при этом идею о том, что есть только один общий критерий того, какими должны быть не только гендерные отношения в обществе, но, вероятно, и социально-политические. Практически во всех западных университетах и даже школах навязываются (формально и неформально) принципы политкорректности. Сегодня в списке причин, за которые отчисляют студентов из ведущих европейских и американских вузов без права повторного поступления, первую строку занимает нарушение политкорректности. Вполне либеральный профессор экономики из Йельского университета Стивен Моррис так высказывается на страницах вполне либеральной британской „*The Economist Newspaper*”: „политкорректность может быть не только признаком слабоумия, но и вполне рациональным, выверенным поведенческим признаком. Строгое соблюдение правил политкорректности постепенно создаёт человеку (политику – в глазах его избирателей, советнику политика – в глазах самого политика) определённую репутацию, являясь опознавательным признаком, сигнализирующим о принадлежности к либеральной

идеологии. Однако использование политкорректности в этих целях может служить только тактическим целям создания репутации, но не стратегическим целям проведения в жизнь какой-либо политической линии³⁷

Таким образом, политкорректность это определенный стиль общественной коммуникации и государственного устройства, при котором надлежащим образом обеспечиваются права социальных меньшинств на равноправное участие в жизни государства и общества. Однако, использование политкорректного языка не всегда мотивировано желанием соблюдать принципы вежливости в процессе коммуникации, социальными и политическими соображениями в процессе борьбы социальных меньшинств за свои права, но и попытками создать определённую, преимущественно либерально-демократическую картину мира, особенно в странах с „неразвитой демократической системой”. Политическая элита постиндустриальных стран англосаксонского мира стремится навязать свою мораль и свой язык всему обществу, вытравливая из существующего публичного языка традиционные понятия и заменяя их неологизмами, чьё содержание непонятно и самим творцам политкорректности. Не случайно, поэтому, что наименее политкорректными западноевропейскими странами оказались Франция, Португалия, Испания, Италия – государства с глубокими традициями католицизма³⁸. Следовательно, толерантное мышление и политкорректное общение не всегда согласуются с традиционными представлениями о культуре меньшинства, чьё мнение, вопреки желаниям большинства, может использоваться третьей стороной для создания определённой концептуальной и языковой модели объективной реальности, своеобразного *mainstream* в политическом дискурсе демократического сообщества. Например, самой социально защищённой фигурой в США является неработающая чёрная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной³⁹.

Очевидно, что новизна магически-ритуального языка политкорректности заключается не только в том, что люди не верят ему или даже не придают этому особого значения, но при этом поступают в соответствии с ним, а в неких скрытых его смысловых критериях, которые, по мнению современного российского философа М. Блюменкранца, следует искать в спекулятивных коннотациях понятия толерантности. Именно толерантность, как наиболее противоречивая

смысловая структура в либеральном дискурсе, в практическом её применении ведёт к установлению „демократической тирании”, при которой „на нашем Ноевом ковчеге сохраняются экологическое равновесие всех чистых и нечистых пар, а также их демократические свободы, и, прежде всего наиболее ценная из них – свобода слова от мысли”⁴⁰. „...Мы имеем дело с серьёзной идеологией, – заключает В. Буковский, – которая под вывеской политкорректности пытается разрушить наше общество. Чем меньшинствам хуже, тем лучше их лидерам: будет что защищать. Но их задача – уничтожить наше общество... Патологию нужно объявить нормой, а норму – патологией”⁴¹. Последний тезис особенно актуален, поскольку его реализация, по сути, будет началом конца современной демократии. Идеология „всё новых потребностей”⁴² в потребительском обществе с девальвированными ценностями и экзальтированными политическими лидерами способна настроить „новых потребителей” на новую социальную утопию, в которой требования языка и действия не всегда совпадают с требованиями жизни. Не исключено, что политкорректность является отчаянным жестом „умиротворения”⁴³ нарастающих противоречий современной постиндустриальной цивилизации. Как верно подметил немецкий философ Герберт Маркузе, „сущность различных режимов проявляется теперь не в альтернативных формах жизни, но в альтернативных техниках манипулирования и контроля; язык теперь не только отражает эти формы контроля, но сам становится инструментом контроля даже там, где он сообщает не приказы, а информацию, где он требует не повиновения, а выбора, не подчинения, а свободы”⁴⁴.

Таким образом, политкорректность создаёт в социальных коммуникациях некое изолированное пространство новых смыслов, которое, тем не менее, не обладает какой-либо строгой предметностью, ибо не отражает в своих неологизмах особенностей развития социальных объектов и систем. Это пространство смысловых фантомов, этический или даже эстетический фокус постмодернистского сюрреализма, который претендует на то, чтобы из безумия социального хаоса попытаться выстроить некую логику политического развития. Парадокс „политкорректной картины мира” заключается в том, что никакой картины не существует. Иллюзорность всех смыслов объявляется демократической ценностью, а размытость всех

форм – новым эстетическим идеалом. Тех, кто не способен следовать подобным „картинам мира” выдавливают с помощью „демократической цензуры” на периферию „прогресса”, оставляя место для шизоидных личностей (транссексуалов), которые сами являются не только закономерным продуктом радикальной неопределённости, но и будущими лидерами постдемократического общества – общества управляемого хаоса.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Кронгауз М. Неполиткорректный „язык политкорректности” / М. Кронгауз [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.sova-center.ru>.

² Сафран Г. „Переписать еврея...”. Тема еврейской ассимиляции в литературе Российской империи (1870-1880 гг.) / Г. Сафран / Пер. с англ. М. Маликовой. – СПб., 2004. – С. 94.

³ Буковский В. Политкорректность хуже ленинизма / В. Буковский [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.region.ru/news/2242306/>.

⁴ Толерантність як соціально-культурний феномен: світоглядно-методологічний аспект: колективна монографія / за заг. ред. д. філос. н., проф. В.П. Мельника. – Львів, 2012. – С. 142.

⁵ Биология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Р. Гиляров. – 3-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 635.

⁶ Толерантність як соціально-культурний феномен: світоглядно-методологічний аспект: колективна монографія / за заг. ред. д. філос. н., проф. В.П. Мельника. – Львів, 2012. – С. 180-181.

⁷ Там же. – С. 80.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Буковский В. Политкорректность хуже ленинизма / В. Буковский [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.region.ru/news/2242306/>.

¹¹ Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз / К.С. Шаров [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.vphil.ru>. – С. 3-4.

¹² Болотова А.К., Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Социальные коммуникации: [учеб. пособие] / А.К. Болотова, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская. – М., 2008. – С. 89.

¹³ Гендер без прикрас. Через гендерную политику к диктатуре гомосексуализма [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.stopgender.wordpress.com>. – С. 9.

¹⁴ Гендерна рівність як фактор сталого розвитку суспільства // Вісник Програми сприяння парламенту України університету Індіани. – 2004. – № 217 (червень). – С. 2, 9.

¹⁵ Гендер без прикрас. Через гендерную политику к диктатуре гомосексуализма [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.stopgender.wordpress.com> – С. 20-21.

¹⁶ Там же. – С. 9.

¹⁷ Там же. – С. 3.

¹⁸ Там же. – С. 6.

¹⁹ Там же. – С. 4.

²⁰ Мельник Т.М. Гендер як компонент громадської думки / Т.М. Мельник // Проблеми освіти. Науково-методичний збірник / Колектив авторів. – К: Науково-методичний центр вищої освіти, 2003. – Вип. 36. – С. 94.

²¹ Гендер без прикрас. Через гендерную политику к диктатуре гомосексуализма [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.stopgender.wordpress.com> – С. 54-55.

²² Смоляр Л.О. Гендерна рівність та гендерна демократія – стратегічний напрямок розвитку людства в ХХІ ст. / Л.О. Смоляр // Проблеми освіти. Науково-методичний збірник / Колектив авторів. – К: Науково-методичний центр вищої освіти, 2003. – Вип. 36. – С. 15.

²³ Гендерний паритет в умовах розбудови сучасного українського суспільства. – 2-е вид., допов. уточ. – К.: Український ін-т соціальних досліджень, 2003. – С. 66.

²⁴ Там же.

²⁵ Волоснова Ю.А. Политкорректность и вмешательство в гендерную картину мира / Ю.А. Волоснова [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.teleconf.ru/aktualnyie-problemyi-gumanitarnyih-distiplin-iprepo/politkorrekt>. – С. 1.

²⁶ Генрі Жиру. „Мультиплікована” молодь, або Діснейфікація дитячої культури / Г. Жиру // Гендерна педагогіка: Хрестоматія / Пер. з англ. В. Гайденко, А. Предборської; За ред. В. Гайденко. – Суми: ВГД „Університетська книга”, 2006. – С. 199-200.

²⁷ Волоснова Ю.А. Политкорректность и вмешательство в гендерную картину мира / Ю.А. Волоснова [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.tele-conf.ru/aktualnyie-problemyi-gumanitarnyih-distiplin-i-prepo/politkorrekt>. – С. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Герасименко Д.В. Политическая корректность как социокультурное явление и её отражение в современном английском языке: Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Д.В. Герасименко. – М., 2013. – С. 14-15.

³⁰ Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз / К.С. Шаров [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.vphil.ru> – С. 18.

³¹ Волоснова Ю.А. Политкорректность и вмешательство в гендерную картину мира / Ю.А. Волоснова [Электр. ресурс] / Режим доступности: <http://www.tele-conf.ru/aktualnyie-problemyi-gumanitarnyih-distiplin-i-prepo/politkorrekt>. – С. 2.

³² Болотова А.К., Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Социальные коммуникации: [учеб. пособие] / А.К. Болотова, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская. – М., 2008. – С. 91.

³³ Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз / К.С. Шаров [Электр. ресурс] / Режим

доступності: <http://www.vphil.ru> – С. 2.

³⁴ Там же. – С. 9.

³⁵ Гайденко В., Предборська І. Українські підручники початкової школи: прихований навчальний план і гендерні стереотипи / В. Гайденко, І. Предборська // Гендерна педагогіка: Хрестоматія / Пер. з англ. В. Гайденко, А. Предборської; За ред. В. Гайденко. – Суми: ВГД „Університетська книга”, 2006. – С. 232-234.

³⁶ Там же. – С. 229.

³⁷ Цит. по: Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз / К.С. Шаров [Электр. ресурс] / Режим доступності: <http://www.vphil.ru> – С. 14.

³⁸ Там же. – С. 3.

³⁹ Там же. – С. 14.

⁴⁰ Блюменкранц М. Мир после смерти вещей (культура непримиримой толерантности) / М.Блюменкранц // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 184.

⁴¹ Буковский В. Политкорректность хуже ленинизма / В. Буковский [Электр. ресурс] / Режим доступності: <http://www.region.ru/news/2242306/>.

⁴² Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с нем. А. Юдина / Г. Маркузе – М.: „REFL-book”, 1994. – С. 322.

⁴³ Там же. – С. 318-319.

⁴⁴ Там же. – С. 134.

Alexander Bezarov. L'IDÉOLOGIE DE LA RECTITUDE POLITIQUE DANS UNE SOCIÉTÉ DÉMOCRATIQUE MODERNE.

L'article explore les caractéristiques idéologiques de la rectitude politique dans la société d'aujourd'hui. Il est prouvé que la rectitude politique comme une pratique spécifique est interdite dans l'espace de la communication sociale, un outil idéologique de lutte contre „antidémocratique” et les normes de la société.

Mots-clés: *la rectitude politique, la tolérance, l'égalité, l'idéologie, la démocratie, société.*

Олександр Безаров. ІДЕОЛОГІЯ ПОЛІТКОРЕКТНОСТІ В СУЧАСНОМУ ДЕМОКРАТИЧНОМУ СУСПІЛЬСТВІ

У статті досліджені ідеологічні особливості політкоректності в сучасному демократичному суспільстві. Доведено, що політкоректність як специфічна практика заборон у соціально-комунікативному просторі є ідеологічним засобом боротьби із „недемократичними” цінностями і нормами традиційного суспільства.

Ключові слова: *політкоректність, толерантність, гендер, ідеологія, демократія, суспільство.*